

ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА СУВЕРЕНИТЕТА ГОСУДАРСТВА ИЛИ ОГОВОРКА О ПУБЛИЧНОМ ПОРЯДКЕ: СТАНОВЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ ДО НАЧАЛА XX в.

Юлия Александровна Комнатная, канд. юрид. наук, доцент,
кафедра административного права и процесса,
ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный
исследовательский университет», Белгород, Россия;
komnatnaya2009@yandex.ru

В современных условиях кризиса международного права государства сталкиваются с проблемами правового обеспечения как собственной самостоятельности, так и необходимости отстаивания прав своих граждан за рубежом. Одним из действенных инструментов правового характера стала практически забытая оговорка о публичном порядке (ordre public), использование которой позволяет обеспечить защиту публичного интереса в условиях сложной геополитической обстановки. Рассмотрена эволюция понятия публичного порядка, его роль и содержание в международной и национальной правовой практике, а также различные подходы к толкованию и применению данного противоречивого правового явления. Зародившись как институт защиты прав высшего сословия, оговорка о публичном порядке пережила века забвения, трансформировавшись в публично-правовой институт, регулирующий не только возможность применения зарубежного права и постановлений иностранных судов в сфере частноправового регулирования транснациональных отношений, но и обеспечивающий национальную безопасность и интересы государства в международных отношениях. Проанализированы теоретические концепции, исторические корни, сущность и современное применение оговорки о публичном порядке в правовых системах различных государств, а также основные проблемы и перспективы использования защитной клаузулы в условиях глобализации и международного сотрудничества.

Ключевые слова: оговорка о публичном порядке; защитная клаузула; суверенитет; публичный интерес; история права; доктрина права.

Введение

В современных условиях правовое регулирование внешних отношений осложнено соблюдением большого числа условий различных ограничений и санкций. Эти изменения коснулись не только экономических и политических отношений, но и непосредственно прав и свобод человека и гражданина. Защита внутреннего и внешнего суверенитета государства в условиях глобализации отягощена значительным вовлечением страны в международные обязательства, в том числе в отношении исполнения решений иностранных судебных органов и международных организаций. В сложившихся обстоятельствах государство все чаще стало использовать институт ordre public (public policy, общественный порядок, публичный

порядок и т.д.). Это один из самых спорных институтов в истории становления коллизионного права, однако и сегодня нет определенности в его содержании. Законодательства всех государств включают данную оговорку, однако присутствуют различия в ее наименовании, содержании и механизме применения, при этом функция оговорки единая – защита внутреннего правопорядка от вмешательств международного или иностранного права либо решения международного органа или иностранного суда. В международной практике использование различной терминологии данного института допускается. Но национальный подход может иметь свои особенности. Несмотря на «прописку» оговорки о публичном порядке в доктрине международного частного права, она действует гораздо шире. Более того, оговорка о публичном порядке стала все чаще употребляться в отношениях с принятием решений в рамках публичного права [8, 21].

Обсуждение

Оговорка о публичном порядке – древний институт права, между тем, сохраняя внешнюю формулу, смысл его менялся с течением времени. Как и значительная часть институтов конфликтного права, оговорка была известна римскому праву в виде принципа *jus cogens privatorum pactis mutari non potest*, устанавливающего невозможность соглашений частных лиц изменять императивные нормы. Причиной противоречия служили «добрые нравы» как основополагающий незыблемый принцип, о который могут разбиться любые сделки и юридически значимые действия. Между тем, «добрые нравы» сами по себе считались неправовым средством. Более того, касались репутационных издержек. Согласно исследованию М. Пичина, систематическое использование формулы «добрые нравы» препятствовало применению позитивных законов, и исход дела был непредсказуем. Допустимость-недопустимость использования оговорки «добрые нравы» мог определить лишь император, в связи с чем такие дела доходили всегда до высшей инстанции. Становление и развитие данного института М. Пичин связывает с тем, что судьи и юристы относились к аристократии, а «у римских аристократов было ясное понимание того, что является для них наилучшим» [29, с. 89]. А. Л. Смышляев в отношении применения формулировки «добрые нравы» отмечает, что существовавшая в то время система ценностей не придерживалась принципа равенства перед законом [22, с. 81], в данной связи указанное неправовое средство имело четко сословную природу. Стоит также отметить, что значимое влияние репутации на действие законов при судебных разбирательствах римляне заимствовали у греков [9, с. 253]. Соответственно, зарождение и первое применение оговорки «добрые нравы» не связано, как это принято считать [16], с защитой духовно-нравственных ценностей или ценностей общества в международных отношениях. Речь шла исключительно о внутрисословной репутационной защите высшего сословия, именно ради этого заставляли замолчать самые суровые римские законы.

В европейскую правовую жизнь оговорка «добрые нравы» вернулась с возрождением римского права и, начиная с XII–XIII вв., имела широкое применение, в том числе в рамках использования *Lex mercatoria*, посте-

ленно становясь фундаментом территориального принципа и первоосновой жизни государства. Как указывал В. Э. Грабарь, глоссаторы не выявили в юстиниановой компиляции системы международного права, лишь «несколько отрывков, касающихся межгосударственных отношений» [5]. Однако при рассмотрении трудов глоссаторов, а особенно постглоссаторов, В. Э. Грабарь выделил сложившуюся практику: «ограничение справедливости» – *aequitas scripta rigori scripto praefertur*, которая определяла из двух несогласных норм наиболее разумную [5, с. 30]. Интересно наблюдение ученого в том, что в период глоссаторов не было принципиального разграничения частных и государственных (публичных) отношений [5, с. 34]. Длительное влияние частнопровых норм на отношения, которые затем выделились в публично-правовую сферу, привело к тому, что само публичное право имело элементы частного [5, с. 37]. Аналогичная формула повторилась и при установлении приоритета церковного права – «каноническая справедливость», когда все правила соотносились с папскими декретами [5, с. 98].

Оговорка о публичном порядке (*ordre public*), близкая к современному прочтению, вошла в тексты законов европейских стран на рубеже XVIII–XIX вв. Впоследствии «добрые нравы» уже в смысле морально-нравственных ориентиров остались в национальном праве, в том числе как принцип добросовестности. Это, в частности, отражает положение Германского гражданского уложения: «Нет надобности в иных границах, кроме той, которая требует, чтобы обязательство не противоречило закону и добрым нравам» [20, с. 138], «Сделка, нарушающая добрые нравы, недействительна» (§138) [10], а в рамках международного взаимодействия в области частного права стал действовать *ordre public*. В России оговорка о публичном порядке в формулировке «общественный порядок» с учетом прямого запрета в законе была зафиксирована в ст. 707 Устава гражданского судопроизводства 1864 г. и касалась договоров и актов, совершенных за границей. В отношении применения распоряжений судов по законам Царства Польского или Великого Княжества Финляндского, равно как и распоряжений судов иностранных государств, содержалась в ст.ст. 1272 и 1279 указанного Устава, где отражены аналогичные правила [6, с. 82, 147].

М. И. Брун связывал событие возрождения учения о публичном порядке с теорией «национального духа» К. Савиньи [32, с. 33–36], где центральным принципом являлась цель, ради которой были приняты законы, а необходимость применения иностранного права соотносилась с «рядом важных исключительных случаев, установление точной границы которых составляет, быть может, труднейшую задачу всего этого учения» [1, с. 4]. При этом в теории К. Савиньи оговорка теряла свою первостепенную роль и являлась лишь вспомогательным инструментом, применяемым в двух ситуациях с единой аномальной природой: 1) нарушение нравственности или общественного блага (*publica utilitas*); 2) применение институтов права неизвестных отечественному закону [32]. Такого рода случаи законодатели европейских государств закрепили в формулы защитных клаузул, в связи с чем с сер. XIX – нач. XX вв. оснований для запрета применения иностранного права было множество: «иностранные законы устраняются,

когда они противоречат запретительным законам (ст. 12 итальянского кодекса 1865 г.), публичному порядку (ст. 12 итальянского кодекса 1865 г., ст. 11 испанского кодекса 1889 г.), добрым нравам (ст. 12 итальянского кодекса 1865 г., ст. 11 испанского кодекса 1889 г., ст. 30 Гражданского уложения Германии 1900 г., ст. 30 японского закона 1898 г.), публичному праву, морали, духу местного уложения (ст. 14 аргентинского уложения 1871 г.), цели туземного закона (ст. 30 ГГУ)» [1, с. 4]. Где отсутствовали четкие формулировки указаний в законодательстве, действовала общепринятая доктрина или сложившаяся судебная практика. Так, в судопроизводстве Франции и Бельгии закрепился публичный порядок, а в Великобритании положение о несовместимости с иностранным законом и нравами. Наиболее часто использовались категории «публичный порядок» или «общественный порядок».

Однако разработкой этого вопроса занимались ученые и до К. Савиньи. Так, Ж. Буйе (Бугие) еще в XVIII в. представил теорию публичного порядка вне контекста развития теории деления статутов и противопоставил эти две теории. Статуты публичного порядка (запретительные статуты), в его представлении, отличались императивностью, их невозможно было отменить, и это свойство вытекало не столько из текста законов, сколько из их смысла. Запретительные статуты делились на личные и вещные в зависимости от цели закона. Вопросы публичного порядка Буйе связывал также с обходом закона [11, с. 78–79]. Современник Ж. Буйе Л. Фролан публичный порядок раскрывал в виде запретительных реальных статутов в отличие от простых реальных [1, с. 95]. У. Губер закрепил понятие оговорки о публичном порядке в современном понимании [30] и отделял ее от обхода закона [14, с. 86].

В XIX веке сформировалось несколько подходов к пониманию публичного порядка, от его отрицания до основы разрешения всех интернациональных споров. Р. Шмид утверждал, что иностранный закон должен применяться исходя из потребности в устойчивых международных отношениях, но только с учетом оговорки о публичном порядке. В вопросе выбора применимого права он рекомендовал использовать начало природы вещей, а судья при рассмотрении дела должен был самостоятельно установить соотношение интересов международного общения и государства, оценив которые отдать государственной выгоде предпочтение [33, с. 10–31]. Н. Рокко исходил из содержания категории «суверенитет», поэтому предлагал разделять частные и публичные элементы в каждом правоотношении, а признание силы заключенного договора объяснял правом суверенитета: «правители государств молчаливо условились взаимно признавать: качества лиц, установленные законом местожительства; форму актов, соответствующую закону места совершения, и вообще благоприобретенные права; все это, однако, под условием, что суверенитет не потерпит ущерба» [31, с. 116]. Соответственно, руководящим принципом любых международных взаимодействий становился публичный порядок.

Позже П. Эсперсон исходил из идеи национальности, отражающей естественную свободу человека. Оговорка о публичном порядке раскрывалась им шире, как противоречие любым нормам отечественного пра-

ва [25]. Л. Бар признавал только оговорку ограничения справедливости [24]. П. Фиоре под публичным порядком понимал наличие отрицательных или положительных законов, которые направлены на охрану общественных интересов. Между тем для нарушения публичного порядка недостаточно только применения противоречивого иностранного акта, противным общественному порядку должно быть само юридическое действие, основанное на иностранном законе [26]. П. Манчини публичный порядок также рассматривал широко, включая в него не только принципы нравственности, но и экономическую сторону. Публичные отношения защищались по территориальному признаку. Кроме того, ученый вводил три главных принципа – свободы, суверенитета и национальности, которые позволяли решить вопрос публичного порядка: пока не затрагивается суверенитет, государство полностью признает свободу и национальность. Главной проблемой стало определение пределов государственного суверенитета [28]. А. Вейсс публичный порядок раскрывал из принципа экстерриториальности, где государство действует как совокупность лиц, соответственно, территориальный суверенитет только придаток личного [34]. Ф. Лоран, в свою очередь, утверждал, что «публичный порядок» не соответствует его цели и идее, а государству необходимые гарантии дает разделение общественного и частного права. Каждый судья определяет право своего общества, а произвол судьи устраняется применением социального права [27, с. 32].

Российская правовая доктрина XIX века также предлагала варианты понимания и применения оговорки о публичном порядке. О силе суверенитета государства перед обязанностью международного общения одним из первых высказался Н. П. Иванов, отмечая приоритет «государственной самостоятельности», если отношения затрагивают «публичный интерес государства или частные интересы его подданных» [7, с. 157]. По Д. И. Мейеру, оговорка о публичном порядке означала лишь то, что акт не должен быть противен общественному порядку [13, с. 62]. Ученый предложил собственное правило: «юридические отношения, признаваемые законами в одной местности, признаются законными в другой, если особым определением законодательства этой другой местности не объявлена незаконность того или другого данного отношения» [13, с. 62], установив презумпцию законности юридического отношения, имеющую исключения при указании закона и в сложном применении *statuta mixta*. А. Н. Мандельштам был категорически против применения оговорки, настаивая на субъективном характере данного понятия [11, с. 246] и рекомендовал исключить его, как изжившее себя исторически [11, с. 251]. А. А. Пиленко нашел схожими категории *comitas* и *ordre public* [18, с. 56–57], а само коллизионное право продуктом действия оговорки: «*Ordre public* в указанной форме является принципом генетическим: он указывает, почему одни нормы должны иметь реальное применение, а другие – персональное... авторы, излагающие этот вид публичного порядка, движутся не в области догмы, а в области политики права...» [18, с. 48–65]. Он выделял две основные конструкции публичного порядка: генетическую (Manchini-Laurent) для политиков и статическую (Savigny-Brocher) для догматиков

[18, с. 74] и выступал за защиту общественного порядка страны от «чужих юридических институтов» [19, с. 375]. Публичный порядок рассматривался им как пределы применения конфликтных норм [19, с. 375–376]. Критик А. А. Пиленко Л. И. Петражицкий под международным частным правом понимал смежную, существующую на стыке права и политики, науку, что и объясняло существование оговорки о публичном порядке. Несоблюдение принципов «международной вежливости», по мнению ученого, обеспечило «публичному порядку» и отсылке характер объективной реальности [17]. Сторонник унификации коллизионного права М. И. Брун ее непреодолимым препятствием называл публичный порядок, «о который главным образом разбиваются все усилия создать единое международное частное право» [2, с. 28]. Природа публичного порядка, по его мнению, не связана с общественным интересом, это лишь исключение из общих коллизионных правил [3, с. 77–78, 89]. Не увлекаться обманчивостью простоты формулировки оговорки призывал Б. Э. Нольде, требуя ее конкретизации в законе, поскольку считал это правило достаточно опасным [15, с. 481]. Г. Ф. Шершеневич, в свою очередь, не признавал проблемы публичного порядка, утверждая, что «право каждого государства за пределами его территории перестает быть правом» [23, с. 185].

Заключение

Таким образом, к началу XX в. в отечественной доктрине и законодательстве сформировался самостоятельный институт публичного порядка, о чем свидетельствует включение в п. 17 Общих положений проекта Гражданского уложения 1906 г. нормы о действии сделок, совершенных за границей, и применении законов иностранных государств на территории России, которые не имели силы лишь в случаях, «если они противны действующему в Империи закону, добрым нравам или общественному порядку» [6, с. 12–13]. Законодательная формула оговорки о публичном порядке отражала все ситуации возможного негативного воздействия иностранного права или решения суда на национальный правопорядок. Затруднения вызывало отсутствие единства во мнениях ведущих специалистов в области коллизионного права, в связи с чем не было единообразия в практике применения норм иностранного права и исполнения постановлений иностранных судов. Так, в рамках доктрины сущность современного термина оговорки без ее конкретизации определил Д. И. Мейер. Ю. С. Гамбаров рассматривал данную проблему как «противоречие общественному порядку» [4, с. 310–311], сужая действие нормы. Более детального рассмотрения каждой отдельной ситуации применения оговорки требовали Б. Э. Нольде и А. А. Пиленко, отмечая ее двойственную частнопубличную природу. А. Н. Мандельштам, Ф. Ф. Мартенс [12, с. 282] и М. И. Брун, с практической точки зрения, настаивали на изъятии данной нормы, не отвечающей принципам международного общения. Принимая во внимание сложившиеся подходы, можно определенно согласиться с А. А. Пиленко в том, что формула публичного порядка способствовала развитию коллизионного метода. С помощью конфликтных норм государ-

ство определяло достаточно четкие правила применения иностранного права на своей территории, создавая исключения, которые блокировали нормы любой юридической силы, включая международные. На рубеже XIX – XX вв. институт защитной (исключающей) клаузулы окончательно оформляется как правовое средство обеспечения целостности суверенитета государства и защиты его национальных интересов.

Список литературы

1. Брун, М. И. Очерки истории конфликтного права. I. Конфликтное право постглоссаторов (XIII–XV вв.). II. Теория статутов (XVI–XVIII вв.) / М. И. Брун. – Москва : Тип. Г. Лиснера и Д. Совко, 1915. – 106 с
2. Брун, М. И. Введение в международное частное право / М. И. Брун. – Петроград : Тип. В. Ф. Киршбаума, 1915. – 79 с.
3. Брун, М. И. Публичный порядок в международном частном праве / М. И. Брун. – Петроград : Сенатская типография, 1916. – 97 с.
4. Гамбаров, Ю. С. Курс гражданского права. Т. 1: Часть общая / Ю. С. Гамбаров. – Санкт-Петербург : Тип. М. М. Стасюлевича, 1911. – 780 с.
5. Грабарь, В. Э. Римское право в истории международного-правовых учений. Элементы международного права в трудах легистов XII–XIV вв. – Юрьев, 1901. – 304 с.
6. Гражданское уложение : Проект высоч. учрежд. Ред. комис. по сост. Гражд. уложения : (с объясн., извлеч. из тр. Ред. комис.) / под ред. И. М. Тютрюмова, обер-прокурора 2-го деп. Правительствующего сената ; сост. А. Л. Саатчиан. Т. 1-2. – Санкт-Петербург : Кн. маг. «Законоведение», 1910. – 1015 с.
7. Иванов, Н. П. Основание частной международной юрисдикции / Н. П. Иванов // Ученые Записки Казанского университета. – Казань, 1865. – Т. I. – С. 136–188.
8. Карабельников, Б. Р. Оговорка о публичном порядке в новейшей практике российских и зарубежных судов / Б. Р. Карабельников // Международный коммерческий арбитраж. – 2006. – № 1. – С. 11–23.
9. Кудрявцева, Т. В. Народный суд в демократических Афинах : монография / Т. В. Кудрявцева. – Санкт-Петербург : Алетей, 2008. – 465 с.
10. Гражданское уложение Германии. Кн. 1 : вводный закон к Гражданскому уложению : пер. с нем. = Deutsches Bürgerliches Gesetzbuch mit Einführungsgesetz. Band 1. – 2-е изд., доп. – Москва : Волтерс Клувер, 2006. – 816 с.
11. Мандельштам, А. Н. Гаагские конференции о кодификации международного частного права: в 2-х т. / А. Н. Мандельштам. – Санкт-Петербург, 1900. – 847 с.
12. Мартенс, Ф. Ф. Современное международное право цивилизованных народов / Ф. Ф. Мартенс. – Санкт-Петербург : тип. А. Бенке, 1883. – 563 с.
13. Мейер, Д. И. Русское гражданское право (Чтения Д. И. Мейера). Общая часть. Вып. I. / Д. И. Мейер. – Казань, 1858. – 789 с.
14. Мережко, А. А. Наука международного частного права история и современность / А. А. Мережко. – Киев : Таксон, 2006. – 356 с.
15. Нольде, Б. Э. Очерк частного международного права / Б. Э. Нольде // Лист Ф. Международное право в систематическом изложении. – Юрьев, 1909. – С. 451–581.
16. Овчинников, А. И. Традиционные духовно-нравственные ценности как основа категории «публичный порядок» в современном правовом регулировании /

- А. И. Овчинников // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2022. – Т. 9, № 4. – С. 45–55. doi 10.18522/2313-6138-2022-9-4-6
17. Петражицкий, Л. И. О старой школе и новых течениях в науке права / Л. И. Петражицкий // Право. – 1911. – №. 47-52. Стб. 2609 – 2619.
18. Пиленко, А. А. Очерки по систематике частного международного права / А. А. Пиленко. – Санкт-Петербург : Тип. М. М. Стасюлевич, 1911. – 444 с.
19. Пиленко, А. А. Очерк частного международного права / А. А. Пиленко // Лист Ф. Международное право в систематическом изложении / под ред. проф. В. Э. Грабаря. – Юрьев : Тип. К. Маттисен, 1902. – С. 371–404.
20. Покровский, И. А. История римского права / И. А. Покровский. – Санкт-Петербург : Лет. сад, 1998. – 553 с.
21. Россия. Законы и постановления. Судебные уставы 20 ноября 1864 года. Устав гражданского судопроизводства. – Санкт-Петербург, 1864. – 165 с.
22. Смышляев, А. Л. «Добрые нравы» и «суровые законы» в римском суде / А. Л. Смышляев // *Iusantiquum. Древнее право.* – 2008. – № 2(22). – С. 76–95.
23. Шершеневич, Г. Ф. Общая теория права. Вып. I. / Г. Ф. Шершеневич. – Москва : Бр. Башмаковы, 1910. – 839 с.
24. Bar, C. L. The Theory and Practice of Private International Law / C. L. Bar. – Edinburgh, Green, 1892. – 1162 p.
25. Esperson, P. Le Droit international privé dans la législation italienne / P. Esperson // *Journal de Droit International privé (directed by Clunet).* – Paris, 1879–1884. – P. 1–66.
26. Fiore, P. Del fallimento secondo il diritto internazionale privato / P. Fiore. – Piza, 1873. – 136 p.
27. Laurent, F. Le Droit Civil International, 8 volumes / F. Laurent. – 1881–1882. – 850 p.
28. Mancini, P. C. Diritto internazionale / P. C. Mancini. – Napoli, 1873. – 341 p.
29. Peachin M. *Judex vice Caesaris: deputy emperors and the administration of justice during the principate (Heidelberger althistorische Beiträge und epigraphische Studien; Bd. 21).* – Stuttgart, 1996. – 267 p.
30. Raape, L. Deutsches Internationales Priratrecht / L. Raape. – Berlin, 1938. – 140 s.
31. Rocco, N. Dell'usu e autorità delle leggi del regno delle due Sicilie / N. Rocco. – Napoli, 1837. – 496 p.
32. Savigny, F. C. System des heutigen Romischen Rechts / F. C. Savigny. – VIII. Berlin, 1849. – 348 s.
33. Schmid, R. Die Herrschaft der Gesetze / R. Schmid. – Jane, 1863. – 204 s.
34. Weiss, A. Traite elementaire de Droit International Prive / A. Weiss. – Paris, 1890. – 366 p.

References

1. Brun M.I. *Ocherki istorii konfliktnago prava. I. Konfliktnoye pravo postglossatorov (XIII–XV vv.). II. Teoriya statutov (XVI–XVIII vv.)* [Essays on the History of Conflict of Law. I. Conflict of Law of Postglossators (13th–15th Centuries). II. Theory of Statutes (16th–18th Centuries)], Moscow: Tip. G. Lissnera i D. Sovko, 1915, 106 p. (In Russ.)
2. Brun M.I. *Vvedeniye v mezhdunarodnoye chastnoye pravo* [Introduction to Private International Law], Petrograd: Tip. V.F. Kirshbauma, 1915, 79 p. (In Russ.)
3. Brun M.I. *Publichnyy poryadok v mezhdunarodnom chastnom prave* [Public Policy in Private International Law], Petrograd: Senatskaya tipografiya, 1916, 97 p. (In Russ.)

4. Gambarov Yu.S. *Kurs grazhdanskogo prava. Vol. 1: Chast' obshchaya* [Course in Civil Law. Vol. 1: General Part], St.-Petersburg: Tip. M.M. Stasyulevicha, 1911, 780 p. (In Russ.)
5. Grabar' V.E. *Rimskoye pravo v istorii mezhdunarodno-pravovykh ucheniy. Elementy mezhdunarodnogo prava v trudakh legistov XII-XIV vv* [Roman Law in the History of International Legal Doctrines. Elements of International Law in the Works of Legalists of the 12th-14th Centuries]. Yur'yev, 1901, 304 p. (In Russ.)
6. Tyutryumova I.M. (Ed.) *Grazhdanskoye ulozheniye: Proyekt vysoch. uchrezhd. Red. komis. po sost. Grazhd. ulozheniya : (s ob'yasn., izvlech. iz tr. Red. komis.)* [Civil Code: Project of the Supreme Institutional Editorial Commission for Compilation of the Civil Code: (with explanations, extracts from the works of the Editorial Commission)], vols. 1-2, St.-Petersburg: Kn. mag. "Zakonovedeniye", 1910, 1015 p. (In Russ.)
7. Ivanov N.P. [Foundations of Private International Jurisdiction], *Uchenyye Zapiski Kazanskogo universiteta* [Scientific Notes of Kazan University], Kazan', 1865, vol. I, pp. 136-188. (In Russ., abstract in Eng.)
8. Karabel'nikov B.R. [The Public Policy Clause in the Newest Practice of Russian and Foreign Courts], *Mezhdunarodnyy kommercheskiy arbitrazh* [International Commercial Arbitration], 2006, no. 1, pp. 11-23. (In Russ., abstract in Eng.)
9. Kudryavtseva T.V. *Narodnyy sud v demokraticeskikh Afinakh: monografiya* [The People's Court in Democratic Athens: Monograph], St.-Petersburg: Aleteyya, 2008, 465 p. (In Russ.)
10. *Grazhdanskoye ulozheniye Germanii. Kn. 1: vvodnyy zakon k Grazhdanskomu ulozheniyu: per. s nem.* [Civil Code of Germany. Book 1: Introductory Law to the Civil Code: trans. from German] = *Deutsches Bürgerliches Gesetzbuch mit Einführungsgesetz. Band 1*, Moscow: Volters Kluver, 2006, 816 p. (In Russ.)
11. Mandel'shtam A.N. *Gaagskiye konferentsii o kodifikatsii mezhdunarodnogo chastnogo prava* [The Hague Conferences on the Codification of Private International Law], in 2 vols., St.-Petersburg, 1900, 847 p. (In Russ.)
12. Martens F.F. *Sovremennoye mezhdunarodnoye pravo tsivilizovannykh narodov* [Modern International Law of Civilized Nations], St.-Petersburg: Tip. A. Benke, 1883, 563 p. (In Russ.)
13. Meyyer D.I. *Russkoye grazhdanskoye pravo (Chteniya D. I. Meyyera). Obshchaya chast'* [Russian Civil Law (Readings of D. I. Meyer). General Part], issue I, Kazan', 1858, 789 p. (In Russ.)
14. Merezhko A.A. *Nauka mezhdunarodnogo chastnogo prava istoriya i sovremennost'* [The Science of Private International Law: History and Modernity], Kiyev: Takson, 2006, 356 p. (In Russ.)
15. Nol'de B.E. [An Outline of Private International Law], in book: *List F. Mezhdunarodnoye pravo v sistematicheskoy izlozhenii* [List F. International Law in a Systematic Exposition], Yur'yev, 1909, pp. 451-581. (In Russ.)
16. Ovchinnikov A.I. [Traditional Spiritual and Moral Values as the Basis for the Category of "Public Order" in Modern Legal Regulation], *Vestnik yuridicheskogo fakul'teta Yuzhnogo federal'nogo universiteta* [Bulletin of the Law Faculty of the Southern Federal University], 2022, vol. 9, no. 4, pp. 45-55. doi 10.18522/2313-6138-2022-9-4-6 (In Russ., abstract in Eng.)
17. Petrazhitskiy L.I. [On the Old School and New Trends in Legal Science], *Pravo* [Pravo], 1911, no. 47-52, Colum. 2609-2619. (In Russ.)
18. Pilenko A.A. *Ocherki po sistematike chastnogo mezhdunarodnogo prava* [Essays on the Systematics of Private International Law], St.-Peterburg: Tip. M.M. Stasyulevich, 1911, 444 p. (In Russ.)

19. Pilenko A.A. [Essay on Private International Law], in book: *List F. Mezhdunarodnoye pravo v sistematicheskoy izlozhenii* [List F. International Law in a Systematic Presentation], Yur'yev: Tip. K. Mattisen, 1902, pp. 371-404. (In Russ., abstract in Eng.)
20. Pokrovskiy I.A. *Istoriya rimskogo prava* [History of Roman Law], St.-Petersburg: Let. sad, 1998, 553 p. (In Russ.)
21. *Rossiya. Zakony i postanovleniya. Sudebnyye ustavy 20 noyabrya 1864 goda. Ustav grazhdanskogo sudoproizvodstva* [Russia. Laws and Regulations. Judicial Statutes of November 20, 1864. Charter of Civil Procedure], St.-Petersburg, 1864, 165 p. (In Russ.)
22. Smyshlyayev A.L. [“Good Morals” and “Harsh Laws” in the Roman Court], *Iusantiquum. Drevneye pravo* [Iusantiquum. Ancient Law], 2008, no. 2(22), pp. 76-95. (In Russ., abstract in Eng.)
23. Shershenevich G. F. *Obshchaya teoriya prava* [General Theory of Law], issue I, Moscow: Br. Bashmakovy, 1910, 839 p. (In Russ.)
24. Bar C.L. *The Theory and Practice of Private International Law*, Edinburgh, Green, 1892, 1162 p.
25. Esperson P. Le Droit international privé dans la législation italienne, *Journal de Droit International privé (directed by Clunet)*, Paris, 1879–1884, pp. 1-66.
26. Fiore P. *Del fallimento secondo il diritto internazionale privato*, Piza, 1873, 136 p.
27. Laurent F. *Le Droit Civil International*, 8 vols., 1881-1882, 850 p.
28. Mancini P.C. *Diritto internazionale*, Napoli, 1873, 341 p.
29. Peachin M. *Judex vice Caesaris: deputy emperors and the administration of justice during the principate* (Heidelberger althistorische Beiträge und epigraphische Studien; Bd. 21). Stuttgart, 1996, 267 p.
30. Raape L. *Deutsches Internationales Privatrecht*, Berlin, 1938, 140 s.
31. Rocco N. *Dell'usu e autorita dellie leggi del regno delle due Sicilie*, Napoli, 1837, 496 p.
32. Savigny F.C. *System des heutigen Romischen Rechts*, VIII. Berlin, 1849, 348 s.
33. Schmid R. *Die Herrschaft der Gesetze*, Jane, 1863, 204 s.
34. Weiss A. *Traite elementaire de Droit International Prive*, Paris, 1890, 366 p.

Legal Protection of State Sovereignty or Ordre Public: the Formation of the Concept before the Beginning of the 20th Century

Yu. A. Komnatnaya, *Cand. Sci. (Law)*, Associate Professor,
Department of Administrative Law and Process,
Belgorod State National Research University,
Belgorod, Russia;
komnatnaya2009@yandex.ru

In the current context of the crisis of international law, countries are faced with problems of legally supporting both their own independence and the need to defend the rights of their citizens abroad. One of the most effective legal instruments has become the virtually forgotten “ordre public”, the use of which allows for the protection of public interests in a complex geopolitical environment. This article examines the evolution of the concept of “ordre public”, its role and content in international and national legal practice, as

well as various approaches to the interpretation and application of this controversial legal phenomenon. Originating as an institution for the protection of the rights of the upper class, the public order clause has survived centuries of oblivion, transforming into a public law institution regulating not only the applicability of foreign law and the rulings of foreign courts in the sphere of private law regulation of transnational relations, but also ensuring national security and the interests of the state in international relations. The article analyzes the theoretical concepts, historical roots, nature, and contemporary application of the public order clause in the legal systems of various states, as well as the main challenges and prospects for using the protective clause in the context of globalization and international cooperation.

Keywords: ordre public; protective clause; sovereignty; public interest; legal history; legal doctrine.

© Ю. А. Комнатная, 2026

Статья поступила в редакцию 10.10.2025

При цитировании использовать:

Комнатная Ю. А. Правовая защита суверенитета государства или оговорка о публичном порядке: становление понятия до начала XX в.// Право: история и современность. – 2026. – Т. 10, № 1. – С. 14 – 024. doi: 10.17277/pravo.2026.01.pp.014-024